

ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ В АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Отношения России и Англии имеют богатую и длительную историю. Не так давно, в 2003 г., отмечался 450-летний юбилей установления дипломатических и торговых связей между двумя странами¹. Выставка в Кремле, приуроченная к этому событию, свидетельствует о политической и культурной значимости данной проблематики во взаимоотношениях британского и российского народов. XVIII век занял особое место в истории англо-русских отношений, именно в этот период Россия заставила Великобританию считаться с ее интересами на международной арене. Это в свою очередь вызвало живой интерес англичан к России, русских к Англии.

Англо-rusские отношения конца XVIII – начала XIX в. имеют солидную историю изучения в отечественной историографии. Научный фундамент данной проблематики был заложен в конце XIX – начале XX в. выдающимися русскими историками – профессором Варшавского университета В.Н. Александренко и историком международных отношений Ф.Ф. Мартенсом. Их работы, написанные на основе богатейшего архивного материала, воссоздают сложную картину межгосударственных отношений Англии и России в XVIII в., показывают непростое положение русских чрезвычайных и полномочных министров в Лондоне, персональный состав Лондонского посольства в разные годы и т.п.².

Обширный материал по данной проблематике оказался сосредоточен на страницах дореволюционных периодических изданий – «Русская старина», «Вестник Европы», Сборник Русского Исторического общества (далее – СБРИО). Здесь было помещено значительное количество источников по истории англо-русских отношений конца XVIII – начала XIX в. – биографии, переписка, дневники, дипломатические документы³, также нашло место серьезное осмысление данной проблематики дореволюционными историками В.Н. Александренко, В. Бильбасовым, А. Брикиером, Ф.Ф. Мартенсом⁴.

В советский период проблематика англо-русских дипломатических отношений конца XVIII – начала XIX в. была вытеснена социально-экономической проблематикой. Здесь почин был положен еще до революции работой Е.В. Тарле «Континентальная блокада». Работа воссоздает сложный торгово-экономический контекст англо-франко-русских отношений до и после подписания Тильзитского

мира 1807 г⁵. В работах межвоенного периода сохранилась серьезная научная фундированность, примером могут служить работы И. Троцкого, Е. Штейнберга⁶. Дипломатический аспект отношений России и Англии в последней трети XVIII в. исследуется в работах 60–70-х годов А.М. Станиславской, И.Ю. Родзинской⁷. В целом в советской историографии англо-русские отношения рубежа XVIII–XIX вв. оказались оттеснены Наполеоновскими войнами в Европе и не получили глубокой научной проработки.

В последнее десятилетие XX в. тема англо-русских отношений XVIII–XIX вв. привлекла к себе внимание историков. Обобщающая работа А.Б. Соколова заложила основание более детальному изучению англо-русских отношений конца XVIII – начала XIX в.⁸ Наиболее интенсивно в данном направлении работает московский исследователь А.А. Орлов⁹. Следует отметить работы о министрах иностранных дел начала XIX в. сотрудника Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ И.В. Григораша¹⁰. Также посвятили данной проблематике свои работы Г.А. Родина, О.И. Елисеева и др.¹¹

В британской историографии привлекают внимание работы английского историка первой половины XX в. Л.Б. Нэмира, давшего детальный анализ британского парламента 1754–1790 гг. Просопографический анализ, предложенный и примененный Л. Нэмиром на хронологически и проблемно сходном исследовательском поле – политическая история Англии последней трети XVIII в., – дает возможность создать персонифицированную историю англо-русских межгосударственных контактов конца XVIII – начала XIX в. в опоре на их британскую составляющую¹².

Из работ британских историков второй половины XX в. выделяются труды М.С. Андерсона и Э. Кросса. Андерсон воссоздает широкую ретроспективу англо-русских отношений XVI – начала XIX в. Работы 1980–90-х годов Э. Кросса являются серьезным вкладом в изучение англо-русских отношений XVIII в. Автор сосредоточился именно на частных англо-русских контактах XVIII в., им представлен широкий круг вовлеченных в них людей. Труды Э. Кросса являются наиболее исчерпывающими по проблематике частного в англо-русских отношениях XVIII – начала XIX в.¹³

Таким образом, на сегодняшний день историография «частного»¹⁴, как правило, отстоит от историографии «публичного». И в истории изучения англо-русских отношений конца XVIII – начала XIX в. в целом проблематика «частного» осталась в тени политической и дипломатической истории. В данной статье нас будет интересовать феномен сопряжения «частного» и «публичного» в жизни человека, что является новым направлением исследований как в отечественной, так и зарубежной исторической науке и, несомненно, даст возможность углубить сложившуюся в историографии концепцию истории англо-русских межгосударственных отношений

конца XVIII – начала XIX в. Задача данной статьи – выявить и проанализировать комплекс приватных связей в межгосударственных отношениях России и Великобритании этого периода; определить степень влияния «частного» на публичную жизнь государственных деятелей двух стран в переломный период Наполеоновских войн в Европе. В данном контексте хотелось бы обратить внимание на не большое эссе 40-х годов Л.Б. Нэмира «Человеческая природа в политике», где он проводит мысль о том, что политическая составляющая формируется скорее не рационалистическими устремлениями людей, а их характером, ментальностью, складом ума (*habit*), памятью и накопленным жизненным опытом¹⁵.

Достаточно хорошо известна международная ситуация конца XVIII – начала XIX в. в Европе – Наполеоновские войны перекроили карту Европы. Объявление Францией войны Пруссии и Австрии в апреле 1792 г. обернулось сближением России и Англии после длительного периода охлаждения в отношениях. Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г. и попытка Великобритании взять реванши в восточном вопросе фактически поставили Англию и Россию на грань войны в ситуации Очаковского кризиса 1791 г. Изменявшаяся ситуация в Европе в начале 90-х годов XVIII в. заставила Великобританию найти на пролонгацию торгового договора с Россией 1766 г. (договор Макартни–Гросс) – был заключен Торговый трактат от 25 марта 1793 г. (договор Воронцов–Гренвилль)¹⁶. В этот же день была подписана Конвенция об общих действиях России и Англии против Франции¹⁷. Алогеем сближения стал Союзный и оборонительный трактат между Россией и Англией от 7/18 февраля 1795 г.¹⁸

В сентябре 1800 г. Англия заняла Мальту. Кризис в англо-русских межгосударственных отношениях приходится на октябрь 1800 г., когда император Павел I «соизволил наложить секвестр на все английские суда, в российских портах находящиеся», на все английские товары¹⁹. Мальтийский вопрос явился камнем преткновения в отношениях русского императора и английского кабинета. Возобновление дипломатических отношений датируется апрелем 1801 г., когда русский посол в Лондоне граф С.Р. Воронцов получает новую «кредитивную грамоту» в качестве чрезвычайного посла при Сент-Джеймском дворе²⁰. Приход Александра I к власти привел к восстановлению и нормализации отношений между странами. Была подписана Морская конвенция 1801 г., в рамках которой фактически произошел отказ от политики вооруженного нейтралитета²¹.

Заключение Тильзитского мирного договора между Францией и Россией летом 1807 г. сделало последнюю вражеской державой по отношению к Англии. Россия вынужденно присоединилась к континентальной блокаде 1806 г. и провозгласила Декларацию о прекращении всяких отношений с Англией в октябре 1807 г.²² Этот сложный выраж российского внешнеполитического курса был непро-

стым и завершился вторжением Наполеона в Россию. Был подписан мирный договор между Россией и Англией от 6/18 июля 1812 г.²³ На Венском конгрессе именно две эти державы закрепили господствующие позиции в Европе: Россия – на континенте, Англия – на море.

Сложившаяся политическая система в России и Англии в конце XVIII в. значительно различалась, и участие в ее функционировании первых лиц государства было далеко не одинаковым.

Русская государственно-политическая система отличалась сложной организацией. В России до реформ Александра I не существовало должности, эквивалентной посту премьер-министра, нечто сходное можно видеть в деятельности канцлера Российской империи. Органы, непосредственно руководившие внешней и внутренней политикой империи, как правило, создавались заново каждым вновь взошедшим на трон монархом. Так, при Петре III высшим органом, определяющим политику государства, был Императорский совет. Екатерина II учредила в 1768 г. Совет при Высочайшем дворе, который действовал как совещательное учреждение по вопросам внутренней политики. Политическое значение Сената к этому времени резко снизилось, а реформа 1763 г. свела его функции к чисто административным. Кроме этих органов при каждом императоре существовала своя личная канцелярия, состоявшая из статс-секретарей, через которых императорам докладывались множество дел²⁴. Реально все инитиативы управления государством сосредоточивались в руках императора.

Формально во главе внешней политики России после государя стоял президент Коллегии иностранных дел, которому обычно давался чин канцлера Российской империи. Никита Иванович Панин (1718–1783) бесменно руководил внешней политикой России с 1763 по 1783 г., хотя канцлером он никогда не был. Его сменил Иван Андреевич Остерман (1725–1811), который стоял во главе коллегии с 1783 по 1797 г. После его отставки с 1797 по 1799 г. канцлером становится Александр Андреевич Безбородко (1747–1799). Однако роль человека, «направляющего» внешнеполитический курс России, могли играть (и чаще всего играли) приближенные к императрице люди. Так, например, И.А. Остерман практически не руководил внешней политикой России, так как с 1780 г. все дела, «восходящие» на утверждение императрицы, сосредоточились в канцелярии статс-секретаря А.А. Безбородко. Кроме того, Екатерина II часто поручала важные дипломатические дела своим фаворитам. Хорошо известны илачевые результаты внешнеполитической деятельности П. Зубова.

При Павле I внешней политикой руководили его любимцы. Самой примечательной из них личностью был Федор Васильевич Растищев (1763–1826), «единственный умный человек, привязавшийся к Павлу до его воцарения»²⁵. С 1788 по 1800 г. он последова-

тельно был назначен кабинет-министром по иностранным делам, третьим присутствующим в Коллегии иностранных дел, первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел. Никита Петрович Панин (1770–1837) в конце 1799 г. был назначен вице-канцлером, но уже в 1800 г. попал в опалу. После смерти Павла I он еще в течение семи месяцев исполнял обязанности вице-канцлера.

Александр I проводит министерскую реформу. Первым министром иностранных дел был назначен граф Александр Романович Воронцов (1741–1805), который занимал этот пост с 1801 по 1804 г. После него министром становится князь Адам Чарторыйский (1770–1861). Окружение царя негативно восприняло назначение на этот ключевой пост иностранца, и в 1807 г. А. Чарторыйский был отставлен от должности. Эти министры проводили проанглийскую внешнюю политику, в отличие от Николая Петровича Румянцева (1754–1826), сменившего в 1807 г. А. Чарторыйского на посту министра иностранных дел. Н.П. Румянцев ратовал за союз с Наполеоном, что привело его карьеру в 1812 г. к полному фiasco, а его самого – к апоплексическому удару. Заключать мирные договоры 1815 г. было уже поручено Карлу Васильевичу Нессельроде.

В Англии к этому времени уже сложилась парламентская монархия и наряду с королем важную политическую роль в системе исполнительной власти играл кабинет министров, или администрация. Ключевые позиции в администрации занимали «первый министр», или «премьер-министр» (сам термин еще не получил устойчивого употребления²⁶), первый лорд казначейства (First Lord of the Treasury) и лидер палаты общин, который также получал министерский пост (главы какого-либо государственного департамента или хранителя большой или частной королевской печати). Иногда эти важные посты мог совмещать один человек, как это было в случае с премьер-министром Уильямом Питтом Младшим (W. Pitt, 1759–1806), на кандидатуре которого Георг III остановился в 1783 г. в результате продолжительного политического кризиса 70-х годов. Этот человек оставался ключевой фигурой в формировании внутреннего и внешнеполитического курса страны вплоть до 1806 г. Лишь с марта 1801 по май 1804 г. пост премьер-министра занимал его товарищ по партии Генри Аддингтон (H. Addington, лорд Спидмут, 1757–1844). С мая 1804 по январь 1806 г. было сформировано второе правительство У. Питта Младшего. В ситуации войны резко повысилась роль государственного секретаря по иностранным делам (State Secretary of Foreign Office). С лета 1791 по ноябрь 1801 г. этот пост занимал Уильям Уиндхэм Гренвилль (W. Wyndham Grenville, 1759–1834).

Смерть У. Питта Младшего в январе 1806 г. разрушила политическую устойчивость кабинета, и являвшийся премьером с февраля 1806 по март 1807 г. У. Гренвилль был вынужден сформировать коалиционное правительство «всех талантов». Пост госсекретаря в

нем попеременно занимали лидеры радикального крыла вигов Ч. Фоке (Ch.J. Fox, 1749–1806) и Ч. Грей (Ch. Grey, 1764–1845). С марта 1807 по октябрь 1809 г. сформировал кабинет престарелый Уильям Генри Кавендиш-Бентинк (W.H. Cavendish Bentinck, герцог Портлендский, 1738–1809) и назначил госсекретарем по иностранным делам Джорджа Канинга (G. Canning, 1770–1827), положив начало его блестательной политической карьере. С октября 1809 по май 1812 г. главой кабинета был Спенсер Персиаль (Spenser Perseval, 1762–1812), он назначил госсекретарем по иностранным делам Р.К. Уэлсли (R.C. Wellesly, герцог Веллингтон, 1769–1852), который уже прославился операциями 1807–1808 гг. в Португалии и занимал этот пост до марта 1812 г. Его сменил Р.С. Кастрли (R. Castlereagh, виконт Лондондерри, 1769–1822), на долю которого выпала заключительная фаза борьбы с национальной Францией и участие в Венском конгрессе 1814–1815 гг. Со смертью Персиала в июне 1812 г. премьером становится Роберт Бэнкс Дженкинсон (R. Banks Jenkinson, граф Ливерпуль, 1770–1828) и исполняет эти обязанности по 1827 г. Итак, мы видим, что тори достаточно прочно удерживали ключевые посты в своих руках, за исключением кабинета Гренвилля 1806–1807 гг.

Роль английского короля Георга III (1760–1820) в политической жизни страны оказалась в последние годы его правления резко снижена из-за тяжелого недуга. Наследник престола принц Уэльский, с 1811 г. официально принц-регент, будущий Вильгельм IV (1820–1830) фактически оказался на месте отца и старался по возможности непосредственно влиять на развитие политической ситуации в стране. Он открыто поддерживал вигов и водил дружбу с Ч. Фоксом и Ч. Греем. Крайне взбалмошный, расточительный, он оставил след в англо-русских отношениях романом с красавицей О.А. Жеребцовой – родной сестрой последнего фаворита Екатерины II Зубова.

Общение первых лиц государств происходило, как правило, посредством дипломатической переписки и через посланников при русском и английском дворах. Однако интенсивность личной переписки между русским императором и принцем-регентом резко возросла в 1813–1814 гг. и увеличилась визитом Александра I в Англию в июне 1814 г. Ему был оказан самый теплый прием, царь был избран почетным гражданином города Лондона, в Оксфорде ему преподнесли диплом почетного доктора права. Визит прошел благополучно, несмотря на отказ великой княжны Екатерины Павловны выйти замуж за герцога Кларенского, брата принца-регента²⁷.

И все-таки средоточием англо-русских контактов конца XVIII – начала XIX в. являлись дипломатические посланники в Лондоне и Петербурге. Дом на Харли-стрит, 36 в Лондоне был куплен И.М. Симолиным, чрезвычайным посланником и полномочным министром в Лондоне в 1779–1785 гг., и продан им казне в середине 80-х годов

XVIII в.²⁸ Этот дом стал местом постоянного официального представительства России в Англии, домом русского посла, а также местом сосредоточения приватных связей русских и англичан.

Чрезвычайным послаником и полномочным министром в Англии с 1785 по 1806 г. являлся Семен Романович Воронцов (1744–1832). Начало его политической карьеры определялось близким родством с канцлером Елизаветы Петровны М.И. Воронцовым. Впоследствии при содействии старшего брата Александра Романовича, назначенного Екатериной II в 1773 г. тайным советником, позже президентом Коммерц-коллегии, он был отправлен посланником в Венецию²⁹. В 1784 г. его назначают полномочным министром России в Англии. С.Р. Воронцову сразу же удалось занять видное место среди высшего английского общества. У него сложились приятельские отношения с Джеймсом Гаррисоном (Harris, лорд Мальсбери), которые начались еще тогда, когда последний был посланником в Петербурге с 1778 по 1784 г., а также с влиятельными тори – лордом Сиднеем и маркизом Ленстера³⁰. На основе дружеских отношений А.Р. Воронцова, русского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Лондоне в 1762–1764 гг., и У. Питта Старшего (1708–1778) завязались контакты между премьером У. Питтом Младшим и С.Р. Воронцовым. Последний был чрезвычайно удивлен, как этот сдержанный и простой в общении молодой человек держит в подчинении «камору» и правительство³¹.

В первых же посланиях середины 80-х годов С.Р. Воронцов оценивает положение Сент-Джеймского двора: «...немцы короля затянули в сети, из которых он не видит и из которых он теперь упрямствует. Королева весьма набожна, окружена немецкими наставниками, которые выдают себя за ученых...»³². И образно резюмирует свое впечатление об английском короле: «Взирая на его страсть к королю прусскому, кажется, что душа Пруссии переселилась в его тело»³³. «Все единодушно уверяют, что государь сей небогат разумом, имеет познания в механических ремеслах, ботанике, астрономии, но к управлению неспособен, – доносил С.Р. Воронцов в 1785 г., – самолюбив, властолюбив, упрям до крайности, лицемерен и недоверчив»³⁴.

В июле 1800 г. Семен Романович оказался в опале и вышел в отставку, был лишен Павлом I владений в России. Этому предшествовало официальное предложение императора занять пост вице-канцлера, затем канцлера. Воронцов отказался и не вернулся на родину со ссылкой на слабое здоровье дочери и собственную старость³⁵. Император Александр I восстановил его в должности посла, однако Воронцов в 1806 г. отходит от дел в силу новой ориентации во внешней политике российского двора. Любовь графа Воронцова к Англии и англичанам была общепринятой. Адам Чарторыйский писал в мемуарах, что «граф Семен... прижался в этой стране и был влюблен в Англию, более влюблен, чем самый коренной тори»³⁶. Он отзывался об Англии не иначе как о «счастливейшей стране».

К концу жизни для него Англия была страной, где все знакомо, в отличие от России. И после отставки он остался жить в Англии на правах частного лица. Известно, что ему было даровано английское гражданство³⁷.

В годы разрыва дипломатических отношений – 1807–1812 гг. – русская дипломатическая служба официально прекращает свою деятельность. Оставшийся в Англии С.Р. Воронцов как частное лицо продолжает интенсивную переписку с Ф.В. Растроичным и другими ответственными лицами. Свообразным «разведывательным отделом» и источником информации для русской дипломатической службы становятся сотрудник посольства В. Лизакевич и священник Я. Смирнов³⁸. В качестве поверенного в делах остается Павел Андреевич Николай (1777–1866), работавший до этого первым секретарем посольства³⁹. Он был сыном барона А.Л. Николая, президента Императорской Академии наук с 1798 по 1803 г., тесно соподчиняясь с С.Р. Воронцовым и имея с ним интенсивную переписку⁴⁰. Новый русский посол князь Христофор Андреевич Ливен (1777–1838) был назначен лишь в 1812 г. Вместе с ним в Лондон прибыла и его жена, Царя Христофоровна Ливен (1785–1857), урожденная Бенкендорф, получившая впоследствии прозвище «дипломатическая Сивилла».

Что же касается английских послов при русском дворе, то несомненно ключевой фигурой в этот период являлся Чарльз Уитворт (Ch. Whitworth, 1752–1825). Он сменил в конце 80-х годов XVIII в. на этом посту Фитцгерберта (Fitz-Henry) и, по одной из версий, стал основным действующим лицом в подготовке государственного переворота в марте 1801 г. Самые тесные контакты английского посла связывали с семейством Зубовых. Он часто бывал у Платона Зубова в гостях, шумный роман молодого человека с его сестрой Ольгой, в замужестве Жеребцовой, стал притчей во языцах и часто упоминается в мемуарной литературе того времени.

Весной 1801 г. в Петербург были назначены новые английский посол Сент-Эванс, главной задачей которого было заключение Морской конвенции между Россией и Англией. Конвенция 1801 г., как считал русский историк Ф. Мартенс, привела к фактическому отказу от принципов вооруженного нейтралитета, на котором базировалась внешнеполитическая доктрина России при Екатерине II и Павле I. Молодой император и его окружение хотели скорейшего прекращения войны и полагали, что согласованные позиции Англии и России заставят Наполеона умерить свои амбиции. С.Р. Воронцов негодовал в Лондоне, но его увещевания рассматривались как прищурки старика-педанта. Весной 1802 г. он запросил отставки, но не получил ее и смог уехать в Россию только в отпуске.

В начале 1803 г. произошел разрыв дипломатических отношений между Англией и Францией из-за о-ва Мальта, что привело к назначению нового английского посла в Санкт-Петербург адмирала

Дж. Уоррена (J. Warren, 1753–1822). В характеристике Джона Уоррена, который прослужил в должности английского посла примерно год (весна 1802–весна 1803 г.), современники были единодушны – превосходный адмирал, но посредственный дипломат. Он, как отмечал А. Чарторыйский, олицетворял ничтожество министерства Аддингтона, когда в ситуации военного времени многие домогались дипломатической службы и важные посты получали по протекции⁴¹.

Отношения России и Англии также приобретали натянутый характер из-за нежелания последней уплачивать в полном объеме субсидии союзным континентальным державам. В этой ситуации император Александр I сделал ставку на чрезвычайную миссию в Лондон Н.Н. Новосильцева. Она явилась показателем «слов и дела» нового правительства императора. Миссию Новосильцева стали готовить еще в августе 1804 г., когда пришло известие о падении кабинета Аддингтона. В октябре 1804 г. в Санкт-Петербург прибыл новый английский посол Левинсон Гауэр (Levenson-Gower, 1773–1846), который будет представлять интересы Англии вплоть до разрыва дипломатических отношений в 1807 г.

Окружение царя было увлечено идеей установления прочного мира в Европе на основе союза России и Англии, который был бы «на самом деле полезен и благодетелен». Н.Н. Новосильцев (1761–1838) прибыл в Лондон в ноябре 1804 г. Человек, за плечами которого имелся внушительный послужной список и который, кроме того, провел в Лондоне четыре года, с 1797 по 1801 г., изучая физико-математические и медицинские науки, оказался мало пригоден для выполнения возложенной на него задачи. В первых же посланиях он негодует на старого Вороцова: «К какому черту обращаться с принцем Валлийским так, как это делает граф Вороцков? Разве он не будет в один прекрасный день английским королем?.. Впрочем, сам принц Валлийский, часто бывающий у госпожи Жеребцовой, имевшей в Лондоне самый блестящий салон, сказал, что “он ничего так не ждет, как познакомится со мною”»⁴². На основе «беспредельного доверия» английского правительства У. Питта Младшего к Н.Н. Новосильцеву были подписаны союзнические акты в декабре 1804 г. В феврале 1805 г. Новосильцева отзвали в Петербург, а в марте последовало подписание Союзнической конвенции между Англией и Россией, которая в целом подтвердила отказ от принципа вооруженного нейтралитета и сделала войну с Наполеоном неизбежной.

А. Чарторыйский, назначенный Александром I в феврале 1804 г. министром иностранных дел на место А. Р. Вороцова, впоследствии писал, что Новосильцев «не справился достойным образом со своей важной миссией», она требовала большой осторожности,держанности и твердости в следовании данных ему инструкций⁴³. Думается, что во внешнеполитическом курсе, разработанном Чарторыйским на основе «общего блага и соблюдения прав каждого» и

«истинного добра», было заложено глубокое противоречие между «метафизическими пожеланиями» и реальной действительностью русской дипломатии. Этот курс отвечал настроениям молодого русского императора, который в своей политике основывался на принципах сираведливости и человеколюбия. В силу чего новая политическая элита «сдала» позиции, достигнутые с большим трудом дипломатами Екатерины II – старой политической элитой страны.

Надо заметить, что торговые интересы Великобритании как никогда определяли дипломатические отношения с Россией в конце XVIII–начале XIX в. В ситуации войны Англия прямо зависела от поставок строевого леса для британских судов, русского металла и пеньки. Надо иметь в виду, что Торговый договор 1766 г. и Конвенция 1793 г. закрепили за английскими купцами исключительные права: льготные пошлины, «уменьшенные... одной четвертой частью»; и «все судебные и иные дела английских купцов в России судимым быть в одной Коммерц-коллегии»⁴⁴. Поэтому наложенный Павлом I секвестр на английские суда и товары в октябре 1800 г. заставил английских тайных агентов предпринимать решительные шаги. Торговые и коммерческие интересы английских купцов в Санкт-Петербурге занимал британский генеральный консул. Долгие годы с 1776 и до начала XIX в. этот пост занимал Уильям Шарп (Sharp)⁴⁵.

Русская генконсульская служба оформилась в годы правления Екатерины II, главной ее задачей была «защита и покровительство русских купцов»⁴⁶. В 1773 г. было учреждено Русское консульство в Лондоне⁴⁷, еще ранее, в 1769 г. – в Гибралтаре, в 1785 г. – в Гуле и в 1786 г. – в Портсмуте. Русским генеральным консулом в Гибралтаре, «канцлером над Гибралтарским портом», с 1769 был назначен Лидс-Бут (Leeds-Booth), а с 1788 г. – Симпсон (Simpson)⁴⁸. В Лондоне эти обязанности исполнял А. Бакстер (Baxter), который более 20 лет состоял в Русской компании купцов⁴⁹. В Гуле в 1785 г. был назначен Иван Ньюман (Newmann), уже в 70-е годы служивший при посольстве в Лондоне. Впоследствии он получил известность как переводчик на английский язык русской грамматики и истории⁵⁰. В Портсмут в 1786 г. был назначен Линдгрен, по поводу чего С.Р. Вороцков писал графу А.А. Безбородко летом 1789 г. следующее: «Линдгрен и отец его ниведы природой и мыслями... не имея никакой нужды иметь нашего консула в Портсмуте, его сделали, видимо, затем только, чтобы давать ему жалование»⁵¹. Вскоре Линдгрен был отзван.

Краткий обзор структурных административных связей англо-русских торговых отношений делает очевидной значимость глав государственных ведомств России и Англии в области торговли. Где предстоит изучить связь экономических, политических и простых человеческих отношений в этом контексте. Приведем лишь один пример. Речь идет о стычке 1804 г. между С.Р. Вороцковым и министром коммерции Н.П. Румянцевым, который прямо обратился к

русскому послу в Англии с просьбой о покровительстве обанкротившегося купца Попова. «Это область частных торговых интересов, — пишет С.Р. Воронцов, — ни посол, ни консул не в состоянии тут помочь», а вот графу Румянцеву он рекомендует чтение сочинений А. Смита и «Основы коммерции» Форбонн⁵². К приведенному выше следует добавить, что долгие годы президентом Коммерц-коллегии был А.Р. Воронцов, а также напомнить о соперничестве последнего с Н.П. Румянцевым в области собирания произведений литературы и искусства и покровительства наукам⁵³.

Военно-морское дело также тесно связывало Англию и Россию в этот период. Здесь выделяется фигура русского адмирала Павла Васильевича Чичагова (1765–1849). Он с успехом участвовал в русско-шведской войне 1788–1791 гг., а в 1792–1793 гг. находился в Англии с целью практически познакомиться с военным делом и изучить английский язык. В критический период англо-русских военно-морских отношений П.В. Чичагов оказался в центре событий. В апреле 1800 г. английская эскадра под командованием адмирала Паркера разгромила датский флот в Коненгагене и эскадра под командованием адмирала Нельсона явилась в Ревельскую гавань с намерением предпринять бомбардировку Кронштадта. Командовал русской эскадрой в Ревеле Чичагов. Только активные действия Александра I, восстановленного в должности С.Р. Воронцова и П.В. Чичагова позволили предотвратить англо-русский конфликт. Адмирал Нельсон покинул русские территориальные воды, заявив, что он прибыл в Россию только для выражения почтения воцарившемуся государю⁵⁴. Александр I назначает П.В. Чичагова в 1801 г. морским министром и в 1810 г. вводит в состав Государственного совета, а в 1811 г. делает Главнокомандующим Черноморским флотом. Однако личная судьба П.В. Чичагова сложилась несчастливо, он покинул родину в 1814 г., сопровождая императора во время его визита в Лондон, и не вернулся на родину никогда, осуществив мечту навсегда поселиться в Англии.

Среди английских морских офицеров на службе Екатерины II заметна фигура Самуила Грейга (1735–1788). Друг С.Р. Воронцова, в 1768 г. он был приглашен на русскую службу, где стяжал славу русскому оружию в бою у Чесменской бухты 1770 г. и дослужился до звания адмирала. О доверии ему императрицы свидетельствует тот факт, что именно С. Грейг был капитаном корабля, который в 1775 г. доставил княжну Тараканову из Средиземного моря в Кронштадт. После смерти С. Грейга С.Р. Воронцов оказывал протекцию его сыновьям, из которых один – Алексей Самуилович Грейг – тоже стал прославленным флотоводцем и адмиралом⁵⁵.

Вопрос о совместных сухопутных операциях в ситуации войны также являлся насущным для Англии и России в конце XVIII–начале XIX в. Если Екатерина II стремилась во что бы то ни стало избегать непосредственного участия России в войне против Франции, то

Павел I, как хорошо известно, занял противоположную позицию. В 1799 г. английское правительство запросило у русского императора армию в 40–45 тыс. человек для совместных действий против французов на континенте. Это требование было рыцарски выполнено Павлом I – 17 батальонов были высланы с артиллерией и провиантом в Голландию. Бездарный исход англо-голландской экспедиции 1799 г. под командованием герцога Йоркского разозлил Павла I, и он приказал английскому посланнику в Санкт-Петербурге Ч. Уитворту немедленно выехать из России⁵⁶. Покинул английский посол Россию осенью 1800 г. после занятия британской эскадрой о-ва Мальта. При императоре Александре в 1801–1805 гг. шли интенсивные переговоры о заключении союзного договора между Россией и Англией против Наполеона. И здесь вопрос об участии России и Англии в борьбе на континенте рассматривался английским кабинетом в одной иллюстрации – примерно 115 тыс. человек в армии и на флоте обойдется России не более 1 млн 600 тыс. фунтов стерлингов⁵⁷. 3 млн фунтов стерлингов стоило в 1805 г. участие Австрии в войне против Наполеона, 3 млн «предназначалось на устранение колебаний Пруссии»⁵⁸.

Далее перенесем центр тяжести нашего внимания на область частного в англо-русских отношениях конца XVIII–начала XIX в. Несомненно частная жизнь русских в Англии была тесно связана с посольской церковью в Лондоне. Православная греко-российская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы была основана в 1716 г. при русском посольстве «как для россиян, так и для греков, из разных стран приезжающих, и английских фамилий, восприявших православную греческую веру». Помимо своей главной духовной цели у нее была и цель культурная – «сближаться с единоверцами» различных национальностей⁵⁹.

Дружба настоятелей Православной церкви с известными англичанами принесла немало пользы России. Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815), настоятель церкви с 1769 по 1779 г., помимо основной деятельности, по его собственным словам, способствовал «успехам русских художников, кораблестроителей, мореходцев и землемельцев»⁶⁰. Образованный, увлеченный своим делом, русский священник быстро познакомился с интересными и полезными людьми. Так, известный английский писатель и агроном Артур Юнг оканчивал помощником А. А. Самборскому и впоследствии его преемнику Я.И. Смирнову в различных «комиссиях» от российского правительства и немало способствовал обучению русских студентов английскому земледелию⁶¹. Еще одним другом А.А. Самборского стал английский философ-utilитарист Джереми Бентэм⁶². После отставки Самборский стал духовником и преподавателем английского языка у цесаревичей Александра и Константина Павловичей. В литературе встречается критическая оценка влияния Самборского на будущего императора Александра I.

Преемник А.А. Самборского с 1780 по 1836 г. священник Яков Иванович Смирнов (1754–1840) прожил в Англии более 60 лет и пользовался большим уважением англичан. Как писал русский посол в Англии С.Р. Воронцов к А.А. Безбородко: «...он знанием, почтением, которое заслужил здесь в обществе, и усердием к отечеству весьма нужен для всех наших земляков, кои как от адмиралтейской коллегии, так и из других разных мест для обучения сюда присыпаются... Он так здесь знаком и любит между учеными и мастеровыми, что из дружбы к нему принимают наших учеников к обучению таких рукоделиев, в кои здесь иностранных с некоторого времени уже не принимают...»⁶³. Своим «старым почтенным другом» Я.И. Смирнов называет А. Юнга⁶⁴. Английский купец Джэксон, который во время Очаковского кризиса «отстаивал интересы России со всем жаром», также был его хорошим знакомым⁶⁵.

Интересна в этом отношении судьба православного англичанина Джона Парадайза. Его отец, Питер Парадайз, долгое время был английским консулом в Греции, где женился на гречанке православного исповедания⁶⁶. Когда его сын достаточно подрос, он отправил его в Англию получать образование. Дж. Парадайз преуспел в науках и стал членом Королевского общества, доктором церковного права Оксфордского университета и литератором. Он был «близким другом ... едва ли не всех выдающихся людей в Лондоне»⁶⁷. Используя свои связи, Дж. Парадайз и Я.И. Смирнов активно «пристраивали» русских, прибывающих в Англию. С.Р. Воронцов, «видя его часто в нашей церкви и наблюдая услуги, которые он часто оказывал нашим соотечественникам», познакомился с ним, и это знакомство стало для него «бесконечно полезным»⁶⁸. Известно, какую неоценимую помощь Дж. Парадайз оказывал русскому посольству во время «намфлетной войны» 1789–1790 гг., главным образом переводами. За свои услуги он получал «ценсю» от российского правительства.

Если же говорить о возможности англичан отправлять культ английской церкви в России, то при британском посольстве в Петербурге состоял капеллан. Джон Глен Кинг, занимавший эту должность в 70-е годы XVIII в., написал обстоятельное исследование о богослужении русской Православной церкви⁶⁹. Прославился он также как медальер, сама императрица Екатерина II, любительница искусств, постоянно привлекала его в качестве эксперта. В 1781 г. он привез в Россию свое собрание медалей и продал их А. Чансому⁷⁰. В Москве по полицейским ведомостям о числе жителей города за 1811 г. насчитывалось 188 британцев обоего пола (111 мужчин и 77 женщин). В Москву, как и Петербург, приезжали куницы, предприниматели, техники, ремесленники, садовники, конюхи, гувернеры, врачи и специалисты в различных областях сельского хозяйства. Протестантская колония старалась держаться вместе в районе улиц Мясницкой, Басманной и Лсфортовской⁷¹.

Надо заметить, что со второй половины XVIII в. количество русских путешественников в Англии резко увеличилось. Указ о вольностях дворянских 1762 г., а также Жалованная грамота 1785 г. способствовали тому, что русские дворяне все чаще стали выезжать за границу. К концу XVIII в. заграничное путешествие становится нормой жизни русского дворянства. Англия явилась местом «паломничества» для многих из них. Посетившие Англию в этот период времени русские по своему социальному положению и интересам были очень разными людьми – студенты, морские офицеры и путешествующие дворяне. По оставленным воспоминаниям побывавших в Англии русских достаточно условно можно поделить на три группы.

Государственные сановники, люди, особо приближенные к трону, составляют первую группу. Это люди, которые обладали денежным состоянием, знатностью и властью. Княгиня Е.Р. Дашкова (1743–1810), родная сестра А.Р. и С.Р. Вороновых, президент Российской Академии русской словесности (1783–1795), проживала в Англии с 1776 по 1780 г. с целью дать образование своему сыну. Еще до этого в 1770 г. она совершила небольшое путешествие по английским графствам⁷². Княгиня Цашкова была принята в самых известных лондонских домах. Среди ее хороших знакомых можно назвать герцогиню Боклей, леди Арабеллу Дени, леди Фрэнсис Скотт, в последствии жену лорда Дугласа, леди Кери⁷³. Знакомства с некоторыми англичанами продолжались до конца ее дней, например с миссис Гамильтон, ирландкой по происхождению. По воспоминаниям сестер Уилмот, Дашкова в течение 20 лет носила шейный платок, подаренный ей миссис Гамильтон⁷⁴. В 1776 г. Е.Р. Дашкова познакомилась с семейством Уилмот, глава которого был дядей миссис Гамильтон. Две его дочери, Марта и Кэтрин Уилмот, по приглашению Е.Р. Цашковой, одна в 1803, а другая в 1805 г., отправились в Россию⁷⁵. Княгиня искренне привязалась к Марте и по ее просьбе написала свою автобиографию⁷⁶, которая была издана в 1840 г. в Лондоне М. Уилмот, в замужестве Брэдфорд.

Четвертый и самый младший из знаменитых братьев Орловых Владимир (1743–1831) за границу поехал в 1772–1773 гг. для поправки здоровья. Достаточно сложно восстановить круг лиц, с которыми общался В.Г. Орлов во время своего пребывания в Англии, однако ясно, что он вращался в высших сферах лондонской аристократии. Так, он мельком упоминает: «...пять раз был я с женою при дворе, король и королева обходились с нами с отменной милостью... при дворе большого великоления нет, да и ничего такого, что заслуживало особого примечания»⁷⁷. Глубокое впечатление произвела Англия на двух молодых дворян, которые в будущем стали известными государственными деятелями. А.Б. Куракин (1752–1818), будущий вице-канцлер Российской империи, путешествовал по Англии в 1772 г. Воспоминания об этом вояже были опубликованы его сыном. В.П. Кочубей (1768–1834), племянник А. А. Безбородко,

в 1789 г. был прикомандирован к лондонской миссии, где работал до 1792 г. Об этом периоде жизни Кочубея сохранились его воспоминания в виде неизданного дневника⁷⁸.

Среднее служилое дворянство, которое занималось литературной деятельностью, составляет вторую группу русских в Англии конца XVIII–начала XIX в. Н.М. Карамзин (1766–1826) побывал в Англии летом 1790 г. Это было частью его большого заграничного путешествия, в ходе которого он посетил также Францию, Германию, Швейцарию. По-видимому, он мало общался с англичанами, главным образом потому, что плохо знал английский язык. Потребность в «усугублении своих познаний» привела в Англию в 1795 г. писателя и журналиста П.И. Макарова (1765–1805). В.Н. Зиновьев (1755–1827), брат жены С.Р. Воронцова, русский дворянин, окончивший Лейпцигский университет, совершил вояж по Англии и Шотландии в конце 1770–начале 80-х годов. Главным образом его интересовала английская экономика и возможность применения британского опыта в России. Он был в восторге от успехов английских мануфактур, но был уверен, что в России при желании можно устроить мануфактуры не хуже. очерк о политической системе Англии, характере англичан, английском быте оставил В.Ф. Малиновский (1765–1814) (будущий директор Царскосельского лицея, муж одной из дочерей Самборского) на основе опыта своей работы с 1789 по 1791 г. при русской посольской миссии в Лондоне⁷⁹.

Дворяне, путешествовавшие с целью расширить свой кругозор и отдохнуть в Англии, составляют третью группу. Таковых было великое множество. Как яркий пример можно привести известного мецената и коллекционера Н.А. Цемидова (1724–1789), который дважды побывал в Англии с целью знакомства с этой страной – в мае–июне 1772 г. и июне 1773 г. За это время он был представлен ко двору и общался с лондонской знатью, что, по-видимому, доставляло ему «немалое удовольствие». Граф Е.Ф. Комаровский (1769–1843) находился в Англии с 1785 по 1786 г. Исполнение обязанностей курьера ничуть не мешало ему вести светскую жизнь, посещать театры, осматривать достопримечательности. В отличие от упоминавшихся выше русских путешественников на него знакомство с Англией, по-видимому, не произвело особого впечатления⁸⁰.

Особое место в истории англо-русских отношений конца XVI–начала XIX в. заняли англо-русские браки. Примером такого брачного союза может служить брак настоятеля лондонской Православной церкви А.А. Самборского. В церкви он встретил англичанку Елизавету Филдинг, «сироту, жившую у престарелой тетки»⁸¹. Он способствовал ее переходу в православную веру и сам перевел на английский язык для нее православный катехизис. В 1768 г. он просил у Св. Синода дозволения на брак с девицей Филдинг, кое дозволение он получил⁸², и в том же году состоялось их венчание. У Самборских родилось четверо детей: две дочери и два сына⁸³. Старшая

дочь Анна так и не вышла замуж и провела всю жизнь с отцом, занимаясь хозяйством после смерти матери в 1794 г. Вторая дочь, София, впоследствии стала женой упомянутого выше В.Ф. Малиновского. Старший сын Александр, по-видимому, должен был пойти по стопам отца. В 1784 г. он был назначен церковником Русской православной церкви в Лондоне⁸⁴, а также изучал в Англии земледелие, однако смерть молодого человека похоронила надежды его отца. Младший сын Самборского, Исаия, скончался во младенчестве.

Выдающийся государственный деятель М.М. Сперанский (1772–1839), выходец из священнической семьи, в шестилетнем возрасте волею судьбы познакомился с А.А. Самборским и приглянулся ему. Его покровительство несомненно оказало влияние на развитие карьеры М.М. Сперанского. Кроме того, имению в доме Самборского в 1797 г. он встретился с будущей женой – Элизабет Стивенс, дочерью англиканского пастора. Он с первого взгляда влюбился в эту 16-летнюю девушку, приехавшую в Россию по рекомендации Самборского в качестве гувернантки. Бракосочетание состоялось в конце 1798 г., а в сентябре 1799 г. у них родилась дочь. Во роковом стечении обстоятельств молодая жена Сперанского умерла сразу после родов, девочку назвали в честь матери Елизаветой, о ней М.М. Сперанский заботился всю жизнь⁸⁵.

Хотя священник лондонской Православной церкви Я.И. Смирнов не был женат на англичанке (его жена – дочь священника Симеона Коронатского), их дети жили в Англии всю свою сознательную жизнь и выросли «совсем англичанами». Старший сын Я.И. Смирнова Иван преуспел в жизни. Он был избран членом Королевского общества в 1825 г., служил при русском посольстве, а в 1836 г. был назначен генеральным консулом в Генуе. К сожалению, мало что известно о трех дочерях Я.И. Смирнова, кроме того, что они, по-видимому, остались жить в Англии⁸⁶.

Дочь С.Р. Воронцова, Екатерина, в 1808 г. вышла замуж за лорда Пембрука (Pembroke, 1759–1827, граф Монтгомери). Немолодой Георг Август Герберт вторым браком составил «русской принцессе» надежную партию. В 1810 г. у них родился сын, первый внук С.Р. Воронцова, Сидней Герберт (впоследствии военный министр в 1845–1846, 1852–1855 гг.), позже – дочь Эмма Герберт. Родовое поместье Пембруков, Уилтон (Wilton), стало родным для Семена Романовича и Екатерины Семеновны⁸⁷.

В 1795–1796 гг. П.В. Чичагов по долгу службы находился в Англии. Там он «подружился с семейством капитана Чарлза Проби, начальника верфей, а особенно с Элизабет Проби, с которой обручился против воли ее отца»⁸⁸. Однако в 1796 г. он был отозван обратно Павлом I, который запретил ему жениться, считая, что и русских девиц достаточно. Тем не менее в 1799 г. император сменил гнев на милость и молодые люди обвенчались в лондонской Православной церкви. По-видимому, это был счастливый брак. П.В. Чича-

гов очень любил свою жену, которая, по словам Я.И. Смирнова, была «прекрасная и премилая женщина», однако она скончалась в 1811 г. П.В. Чичагов очень тяжело переживал ее смерть. В письме Я.И. Смирнову он писал: «...жизнь для меня столь горька и тягостна, что одни горестнейшие напоминания могут так же делать ея мне сносной»⁸⁹. В браке П.В. Чичагова и Е. Проби родилось три дочери, которые были отправлены в Англию после смерти матери на понечение леди Пемброк.

Прославленный адмирал Н.С. Мордвинов (1754–1845) также олицетворяет собой пример счастливого англо-русского брака. В 1783 г. Н.С. Мордвинов прибыл в Италию с российской эскадрой. Среди офицеров экипажа был англичанин, который познакомил Н.С. Мордвинова с семейством своих соотечественников, проживавших в Ливорно. В их доме Н.С. Мордвинов встретил Генриэтту Коблей, сестру хозяйки дома. Они полюбили друг друга и в 1784 г. поженились. В 1792 г. Мордвиновы переезжают в Николаев, где они создали своеобразное «английское гнездо, к которому принадлежали как русские, побывавшие в Англии, так и английские офицеры, служившие на Черноморском флоте»⁹⁰. Мордвиновы были дружны со многими англичанами, среди которых небезынтересно упомянуть братьев Бентам, а также английского филантропа Джона Ховарда⁹¹.

Таким образом, в межгосударственных отношениях России и Великобритании конца XVIII–начала XIX в. можно выделить периоды сближения позиций, взаимного охлаждения и разочарований. Очевидно, что у английского кабинета преобладало стремление использовать Россию в войне с Францией в своих интересах, а также коммерческие и торговые связи России с Англией. Последней удалось этого достичь в период второго премьерства У. Питта Младшего, во многом благодаря приходу к власти в России новой политической элиты – окружения Александра I. Практически все члены Негласного комитета – Н.Н. Новосильцев, А. Чарторыйский, В.П. Коубей – в 90-е годы XVIII в. побывали в Англии и были очарованы ее экономическим процветанием и политической системой. Их идеализм и неискушенность в вопросах дипломатии привели к отмене вооруженного нейтралитета в 1801 г., что способствовало углублению противоречий между двумя странами. Россия была вынуждена присоединиться к торговой континентальной блокаде, нацеленной против Англии. Моментом истины явился 1812 г., когда начала обретать зримые очертания концепция двух гарантов послевоенного устройства мира – России и Великобритании.

Очевидно, что межгосударственные отношения Англии и России конца XVIII–начала XIX в. определяли область частных контактов русских и англичан. Однако из приведенного выше становится ясно, что политические взгляды, идеальные и мировоззренческие позиции государственных деятелей во многом определяли их частная

жизнь и предшествующий жизненный опыт. Если для англичан Россия по-прежнему оставалась далекой, экзотической страной, то русские в целом были очарованы британским Альбионом. Лучше всего поняли и полюбили англичан те, кто по долгу службы оставались на Британских островах продолжительное время – С.Р. Воронцов и Я.И. Смирнов. Они навсегда остались в Англии, способствуя улучшению взаимопонимания между англичанами и русскими, приезжавшими в Лондон. Обращает на себя внимание тот факт, что в англо-русских браках чаще всего встречаются браки русского и англичанки, а не наоборот. Примером могут служить браки П.В. Чичагова и Элизабет Проби, М.М. Сиеранского и Элизабет Стивенс и др. При этом русские оказались гораздо больше втянутыми в культурный контекст британской действительности, стремились перенять нововведения в сельском хозяйстве, мануфактурном деле, ближе познакомиться с военно-морским делом и политической системой Великобритании.

¹ Николаева Н. Английские дипломаты при царском дворе: Два столетия в жизни России и Британии // Российские вести. № 47 (1707). 2003. 24–30 дек.

² Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1–2; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 9(10). Трактаты с Англией. 1710–1801. СПб., 1892 и др.

³ Биография графа Ф.В. Растворина // Русская старина. 1893. № 1–3. С. 161–172; Автобиографическая записка С.Р. Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 33–59, 206–222, 303–415; Кн. 2. С. 81–90; Письма князя А.А. Безбородко к графу С.Р. Воронцову // СБРИО. 1879. Т. 26; Три письма Н.С. Мордвинова к Иеремии Бентаму // Русская старина. 1901. № 4. С. 197–202; Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии // Там же. 1789. № 10–12; Вокруг Очакова. 1788: Дневник очевидца // Там же. 1895. № 9/12. С. 147–212; Записка графа Ф.В. Растворина о политическом отношении России в 1800 г. // Русский архив. 1878. № 1. С. 103–111 и др.

⁴ Александренко В.Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII в. // Русская старина. 1895. № 9/12. С. 113–127; Бильбасов В. Россия и Англия в XVIII в. // Там же. 1893. № 10/12. С. 1–37; Брикнер А. Семейная хроника Воронцовых // Вестник Европы. 1887. № 8. С. 637–672; № 9. С. 109–145; Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия // Там же. 1894. Кн. 10–11. Октябрь, ноябрь.

⁵ Тарле Е.В. Континентальная блокада // Соч. М., 1958. Т. 3–4.

⁶ Троцкий И. Архив Воронцовых // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10; Штейнберг Е. С.Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII–XIX веков // Исторический журнал. 1943. № 1/12. С. 34–41.

⁷ Станиславская А.М. Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Цоклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. № 12; Она же. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья

1759–1807. М., 1962; Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в.) // Проблемы британской истории. М., 1972. С. 197–223.

⁸ Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Англия–Россия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.

⁹ Орлов А.А. Русский священник – дипломат в Лондоне // Вопр. истории. 2003. № 7. С. 125–132; Он же. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Там же. № 12. С. 129–136.

¹⁰ Григораш И.В. Воронцов Александр Романович – первый министр иностранных дел России // Междунар. жизнь. 2001. № 6. С. 85–98; Он же. Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 205–219.

¹¹ Родина Т.А. Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С.Р. Воронцова) // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 18–29; Елисеева О.И. «Не все дела пушками делаются»: К истории одной мемуарной неточности. Действительная роль С.Р. Воронцова в предотвращении русско-английского столкновения 1791 г. // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 210–217.

¹² Namier L.B. Personalities and Politics. L., 1955, и др.

¹³ Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958; Cross A.G. Russia under Western Eyes. 1517–1825. L., 1973; Idem. By the banks of Neva; Кросс Э. У темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.

¹⁴ Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996; Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых аспектах в странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000; Anderson M. Approaches to the History of the Western Family. 1500–1914. The Macmillan Press, 1980; Laslett T.P.R. Family Life and Illicit Love in Earlier Generations. 1977; History of Private Life / Ed. Ph. Aries, G. Duby. 1987–1991. Vols. 1–5; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England. 1500–1800. 1977; Davidoff L. Family fortunes: men and women of English Middle class. 1780–1850. L., 1992.

¹⁵ Namier L. Human Nature in Politics // Namier L. Personalities and Powers. Selected Essays. N. Y., 1965. P. 1–7.

¹⁶ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Российской с иностранными державами (1774–1906) / С введением и примеч. проф. В.Н. Александренко. Варшава, 1906. С. 106–109; АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. 1–10. Оп. 28. Д. 72.

¹⁷ Собрание... С. 110–112; АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. 1–10. Оп. 28. Д. 73.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. 1–10. Оп. 28. Д. 74.

¹⁹ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 2. С. 282.

²⁰ Там же.

²¹ Мартенс Ф.Ф. Император Александр I и великий князь Николай в Лондоне // Русская старина. 1895. № 5. С. 203.

²² АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. 1–10. Оп. 28. Д. 80.

²³ Там же.

²⁴ Ерошкин И.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 101.

²⁵ Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998. С. 118.

²⁶ Namier L.B., Brook J. The History of Parliament. The House of Commons. 1754–1790. N 4. Vol. 1. P. 538.

²⁷ Мартенс Ф.Ф. Император Александр I и великий князь Николай в Лондоне. С. 204–205.

²⁸ Архив князей Воронцовых (далее – АКВ). Т. XIII. Бумаги графов Александра и Семена Воронцовых. М., 1878. С. 58; Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 2. С. 446.

²⁹ Автобиографическая записка графа Семена Романовича Воронцова (письмо к графу Ф.В. Растворину) // АКВ. Кн. VIII. Бумаги Семена Романовича Воронцова. М., 1876. Ч. 1.

³⁰ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне. Т. 1. С. 163.

³¹ Отзывы гр. С.Р. Воронцова о членах кабинета и английском короле Георге III // Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 2. С. 236–244.

³² Письмо к А.А. Безбородко от 8(19) августа 1785 г. // АКВ. Кн. XVI. Бумаги графа С.Р. Воронцова. М., 1880. С. 188.

³³ Письмо к А.А. Безбородко от 19(30) декабря 1786 г. // АКВ. Кн. XVI. Бумаги графа С.Р. Воронцова... С. 201–202.

³⁴ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 2. С. 244.

³⁵ Выход в отставку 15(27) июня 1800 г. // АКВ. Кн. X. Письма графа Семена Романовича Воронцова к брату его Александру Романовичу 1796–1804. М., 1876. Ч. 3. С. 352.

³⁶ Чарторыйский А. Мемуары. С. 210.

³⁷ Кросс Э. У темзских берегов. С. 42.

³⁸ Там же. С. 62–64.

³⁹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия // Вестник Европы. 1894. Кн. II (ноябрь). С. 188.

⁴⁰ АКВ. Кн. XXII. Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых. М., 1881.

⁴¹ Чарторыйский А. Мемуары. С. 236.

⁴² Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия. С. 203–211.

⁴³ Чарторыйский А. Мемуары. С. 263.

⁴⁴ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Российской с иностранными державами (1774–1906). С. 108.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 64, 123.

⁴⁶ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 1. С. 263.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 684–714.

⁴⁸ Там же. Д. 753.

⁴⁹ Кросс Э. У темзских берегов. С. 35.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 772.

⁵¹ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты... Т. 2. С. 244.

⁵² Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия. С. 201–202.

⁵³ Троцкий И. Архив Воронцовых // Литературное наследство. М., 1933.

⁵⁴ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия // Вестник Европы. 1894. Кн. 10 (октябрь). С. 665.

⁵⁵ АКВ. Т. XIX. Бумаги графов Александра и Семена Романовича Воронцовых. М., 1880. С. 339–406.

⁵⁶ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия // Вестник Европы. 1894. Кн. 10 (октябрь). С. 656–657.

⁵⁷ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия // Вестник Европы. 1894. Кн. 11 (ноябрь). С. 221.⁴

⁵⁸ Чарторыйский А. Мемуары. С. 277.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 18. Духовное ведомство. Оп. 1. Д. 215. Л. 2 об.

⁶⁰ Там же. Д. 335. Л. 2.

⁶¹ См. об этом: Cross A.G. Yakov Smirnov: a Russian priest of many parts // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1975. Vol. 8. P. 48–49.

⁶² Цит. по: Кросс Э.Г. У темзских берегов. С. 56.

⁶³ АКВ. Т. IX. Бумаги графа С.Р. Воронцова. М., 1876. Ч. 2. С. 465.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 3. Д. 1920. Л. 99.

⁶⁵ АКВ. Т. IX. Бумаги графа С.Р. Воронцова. Ч. 2. С. 492.

⁶⁶ Там же. С. 493.

⁶⁷ Кросс Э.Г. У темзских берегов. С. 41–54.

⁶⁸ АКВ. Т. IX. Бумаги графа С.Р. Воронцова. Ч. 2. С. 494.

⁶⁹ King J.G. The Rites and Ceremonies of the Greek Church in Russia. L., 1772.

⁷⁰ Кросс Э.Г. У темзских берегов. С. 234.

⁷¹ Орлов А.А. Британцы в Москве... С. 129.

⁷² См.: Дацкова Е.Р. Путешествие одной знатной русской госпожи по некоторым английским провинциям// Опыт трудов вольного российского собрания. 1775. Ч. 2.

⁷³ Записки княгини Е.Р. Дацковой. М., 1990. С. 345, 349–352.

⁷⁴ Дополнения к запискам Дацковой // Записки княгини Е.Р. Дацковой. М., 1990. С. 397–398.

⁷⁵ Записки княгини Дацковой: Письма сестер Уилмот из России. М., 1987.

⁷⁶ Записки княгини Е.Р. Дацковой. М., 1990. С. 1.

⁷⁷ Орлов В.Г. Путевой дневник // Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа В.Г. Орлова. СПб., 1878. Т. 1. С. 261.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 93. Собрание П.Я. Дацкова. Оп. 2. Д. 122 (неизданный дневник В.П. Кочубея); Souvenirs de voyage du prince Kourakin // Архив князя Ф.А. Куракина. М., Т. 5. С. 375–425; Т. 6. С. 207–214.

⁷⁹ Зиновьев В.П. Журнал путешествия В.П. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии // Русская старина. 1878. Кн. XXIII. С. 423–440; Карамзин Н.М. Письма русского путешественника: Повести: М., 1981; Макаров П.И. Письма из Лондона // Сочинения и переводы П. Макарова. М., 1817. 2-е изд. Т. 2, ч. 3; Малиновский В.Ф. Россиянин в Англии // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. IX, XI, XIII.

⁸⁰ Демидов Н.А. Журнал путешествия... Н.А. Демидова по иностранным государствам. М., 1786; Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914.

⁸¹ О жизни протоиеряя Самборского. СПб., 1888. С. 6.

⁸² АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/1. Д. 2474. Л. 120–120 об.

⁸³ О жизни протоиеряя Самборского. С. 7.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/1. Д. 2477. Л. 11.

⁸⁵ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 76–77.

⁸⁶ Cross A.G. Yakov Smirnov... Р. 46.

⁸⁷ Высокова В.В. Воронцовы и Крымская война 1853–1856 гг. // Россия–Крым–Балканы: Материалы международной конференции. Севастополь, 2004. С. 56–64.

⁸⁸ Кросс Э.Г. У темзских берегов. С. 190.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 3. Д. 1920. Л. 103–104.

⁹⁰ Кросс Э.Г. У темзских берегов. С. 183.

⁹¹ См.: Айзенштадт М.Н. Жизнь и судьба графа Н.М. Мордвинова // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 262–265.